

Мина Багшинская

*Детектив
сильных страстей*

ЭКСМО

Бородавки Святого Джона

Детективный триумвират

Инна Бачинская

Бородавки святого Джона

«ЭКСМО»

2012

Бачинская И. Ю.

Бородавки святого Джона / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2012 — (Детективный триумвират)

ISBN 978-5-699-58545-8

«Шельмочка», – думал он, любуясь женой. Лерка казалась наивным шаловливым ребенком, но в ее очаровательной головке рождались грандиозные планы, которые легко осуществлялись. Она ходила по лезвию, а он обмирал от ужаса ее потерять... Заехав ночью на дачу за забытыми бумагами, Андрей неожиданно увидел Лерку – странно неподвижная, она лежала на смятых простынях разобранной постели... Никто не поверит, что он этого не делал. В последнее время они часто ссорились... Повинуясь внезапному порыву, Андрей завернул тело жены в одеяло и отнес в лес. Для всех Лера отправилась отдыхать, и у него было время обдумать, как выпутаться из кошмара. А потом Андрею позвонил друг, врач сельской больницы, и велел срочно приехать – к ним доставили женщину, удивительно похожую на Леру. Она ничего о себе не помнила...

ISBN 978-5-699-58545-8

© Бачинская И. Ю., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Инна Юрьевна Бачинская

Бородавки святого Джона

Все действующие лица и события романа вымышлены, и любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

*Смысла нет перед будущим дверь
запирать,
Смысла нет между злом и добром
выбирать.
Небо мечет вслепую игральные кости.
Все, что выпало, надо успеть проиграть.*

Рубаи, Омар Хайям

ПРОЛОГ

Можно без преувеличения сказать, что рок-группа «Голоса травы» имела мировую известность. Ее знали и любили в ближнем и дальнем зарубежье, тепло встречали в Германии, Польше и Чехии. С клипа «Голосов» начиналась местная телепрограмма «Новости культуры». Они были культовыми, обожаемыми, во время поездок за ними обозом тянулись фанаты. Руководителю группы, соло-гитаристу Майклу Миллеру, талантливому музыканту, композитору и фантазеру, принадлежала ломающая каноны идея использовать флейту в классическом роке. Когда вдруг вырубался ревущий heavy-metal, а наступившая следом тишина оглушала ничуть не меньше, вдруг раздавался чистый высокий, чуть дрожащий звук мексиканской флейты. Настоящий мексиканец Рауль Рохас выступал со своей соло-импровизацией всего-навсего минуту! Бесконечную и краткую, как миг. Но за эту минуту флейта успевала перевернуть душу и сделать ее чище.

Прозвище Майклу Миллеру дали Мишка-Бегемот за его внушительные размеры. Голос у него был невелик, но владел он им мастерски. Ребята вкалывали на концертах, как черти. Только вились длинные зеленые шарфы – фирменный знак «Голосов». Майкл, терзая гитару, скакал по ходившей ходуном сцене. Ударник – в трансе, с закрытыми глазами, запрокинув голову, – работал на автопилоте. Гудела, как в преисподней, ритм-гитара...

В конце сентября вдруг резко похолодало. С белесых небес сеялся холодный по-осеннему дождь, сменивший паутинки бабьего лета. После концерта, переодевшись, возбужденные, разгоряченные, они, спасаясь от фанов, потянулись к боковой двери, где их ждал собственный автобус. Все были измотаны, но на Мишкину дачу поехали. От сауны отказались, зато выпили много, расслабляясь.

Около полудня следующего дня музыканты и гости сползлись на крытую веранду завтракать – расхристанные, с мутными взорами, желающие только одного: большой кружки холодного рассола, ледяной компресс на лоб и тишины.

– А где шеф? – спросил Сеня у подруги Майкла Алисы.

– Кемарит, – зевнула девушка.

– А ну, Витек, давай, сгоняй за Мишкой, – приказал Сеня, и ударник, как самый молодой, бывший у них на посылках, стал выползать из-за стола, опрокинув при этом кружку с кофе.

– Корова, блин! – прокомментировал Сеня.

Витек появился минуты через три. Лицо его было пепельно-серым, он разевал рот, но оттуда не вылетало ни звука.

– Ну! – рявкнул Сеня, теряя терпение.

– Э-э-э... – проблеял Витек, беспорядочно взмахивая руками...

...Майкл лежал на спине, разбросав в стороны руки с пудовыми кулачищами, синяя махровая простыня едва прикрывала громадный, как гора, волосатый живот. Глаза невидяще смотрели в потолок...

– О господи! – прошептала Алиса, опускаясь на пол.

Майкл умер еще ночью, около четырех, как установила экспертиза. Не от передозировки или с перепоя, как решила группа, а от внезапной остановки сердца. Принимая во внимание образ жизни артиста и постоянные перегрузки, ранний уход его при всей трагичности был предопределен. Месяц назад Майклу исполнилось сорок два.

Город погрузился в траур. С афишных тумб, заборов, телеграфных столбов улыбался Майкл, жизнерадостный, энергичный, рыжебородый. С экрана телевизора он делился творческими планами – телепрограмма повторяла снова и снова последнее интервью с группой.

На кладбище собралась толпа фанов, тысяч пять, не меньше. Музыканты устроили концерт прямо у могилы. Рев тяжелого рока повис над кладбищем. Вдруг музыка стихла. Секунда оглушающей тишины, и соло-импровиз Рауля Рохаса – высокий дрожащий жалобный голос флейты – взмыл к серому низкому небу. Толпа перестала сдерживаться и зарыдала в голос.

Народ до темноты провожал в последний путь своего любимца.

– Мишка, – сказал Сеня, обращаясь к цветочной горе и утирая слезы, – это был лучший концерт в твоей жизни! Спи спокойно, Мишка! Мы тебя не забудем!

Глава 1

ОСЕННИЕ СУМЕРКИ

Мелодично тренькнул сотовый телефон на тумбочке рядом с кроватью. Мужчина протянул руку, взял его на ощупь, не глядя, и, отвернувшись, не желая тревожить спящую рядом женщину, тихо сказал:

– Ну, что там? Да! – и еще раз нетерпеливо: – Да, да, успокойся! Я тебя слушаю! – Две или три минуты он молчал, потом спросил: – Ты где? – и коротко закончил, не скрывая досады: – Сейчас приеду!

Минуту-другую он лежал неподвижно, рассеянно глядя на березы за окном. Было время ранних октябрьских сумерек, наполненных мягким светом желтых листьев и белых стволов. Потом он осторожно погладил женщину по голове, запустил пальцы в густую гриву вьющихся светлых волос и слегка подергал.

– Просыпайся! – сказал он ласково. – Лопушок!

– Уже проснулась, – ответила она, слегка потягиваясь, и потерлась щекой о его ладонь.

– Я должен уйти...

– Я слышала. Иди. Уходи.

– Не сердись. Это Славик, ты же знаешь, он просто так не звонит.

– Знаю, знаю ваши мужские игры. Все вы такие крутые, супермены, ставка больше, чем жизнь. Все я о вас знаю!

– А кто еще супермен? Твой муж?

– О да, он мужик, каких мало!

– Много ты понимаешь в мужиках!

– Ты, конечно, понимаешь больше. Мой муж – нормальный мужик, правда, без полета.

Но я на него не в обиде.

– Еще бы тебе на него обижаться!

Они расхохотались. Мужчина стоял у зеркала, повязывая галстук.

– Может, все-таки со мной? – спросил он, оборачиваясь.

– Нет. Я остаюсь. Ни к чему нам реклама, в городе всегда на кого-нибудь нарвешься. Полно сплетников. Так что попрощаемся здесь. И приезжай скорей! Буду ждать.

Он наклонился к ней, легко прикоснулся губами к уголку рта, она крепко обхватила его руками, притянула к себе и прошептала:

– Не отпускай никуда, никогда, ни на минуту! И никому не отдам.

– Держи крепче, а то уведут, – прошептал он в ответ. Она только расхохоталась. – Это тебе, – вдруг вспомнил он и достал какой-то небольшой предмет из кармана пиджака, с улыбкой глядя на нее. – Вот!

Она, подхватив игру, смотрела на него взглядом маленькой девочки, ожидающей чуда. Мужчина подбросил в воздух коробочку из синего бархата, и его подруга, метнувшись вперед, кошачьим движением ловко ее поймала. Нетерпеливо раскрыла, готовая взвизгнуть восторженно, но, удивившись, только приоткрыла рот. На синем бархате лежала подвеска тусклого стекла, оправленная в массивное кольцо белого металла, в петельку сверху кольца была продета изящная цепочка, концы которой уходили вверх и прятались под бархатом подставки. Вещица выглядела странно – простое кольцо напоминало не ювелирное изделие, а скорее техническую деталь, и тонкая цепочка совсем к ней не подходила.

– Ну кто же так смотрит! – Мужчина щелкнул кнопкой лампы, стоявшей на тумбочке.

– Ах! – выдохнула женщина, поворачивая коробочку в разные стороны, отчего тусклая стекляшка вспыхнула ослепительными сине-желтыми искрами.

– Нравится?
– Прелесть, прелесть! – прощепетала его подруга. – Но оправа какая-то необычная... как шайба!

– Шайба! Ты видела шайбу когда-нибудь? Это гвоздь сезона!

– Какого сезона? Местного? – не удержалась она.

– Парижского, темнота ты моя неотесанная. Вся Европа носит эти шайбы, то есть та ее часть, которая может себе это позволить. Ну, скажем, жены крупных предпринимателей и их подруги. Подруги предпринимателей, разумеется.

– А я кто же, по-твоему?

– Ты всего понемножку. И за это я тебя люблю!

– За это?

– За все!

– За все, за все?

– И за многое другое. – Он шагнул к двери.

– А поцеловать? – капризно спросила женщина. Она лежала на постели, закинув руки за голову, во всем бесстыдном великолепии своего прекрасного тела, золотистого от загара.

– Да сколько можно, – проворчал он в притворной досаде, возвращаясь и склоняясь к ней.

– Уходи! – сказала она, переворачиваясь на живот. – И забирай свой подарок. Я девушка честная, мне ваши брюлики без надобности.

– Ах ты, неблагодарная!

Мужчина нагнулся, схватил с пола узкую, красной парчи с золотом домашнюю туфлю и шлепнул ее по заду. Женщина радостно взвизгнула, усаживаясь в постели.

– Я так и знала, что этим кончится! – закричала она торжествующе. – Ты уже меня бьешь!

– Кончится совсем не этим! – Он притянул ее к себе. С трудом оторвался и сказал: – Ну, что ты со мной делаешь? Ведьмочка! – И пошел к двери. Оттуда уже добавил: – Я позвоню. И постараюсь приехать вечером. Только разберусь со Славиком. Сиди и жди! Понятно?

Она слышала, как захлопнулась входная дверь. Потянулась, все еще улыбаясь. Перевела взгляд на белеющие за окном березы, которые почти растворились в сумерках. В спальне стало совсем темно. Ночник под маленьким красным абажуром бросал вытянутый эллипс света на полированную поверхность тумбочки, отчего сумерки в углах комнаты казались гуще. После ухода ее любовника наступила удивительная тишина. Шума мотора она не услышала. В целях конспирации машина остановилась довольно далеко от дачи.

Ей послышался неясный шум на крыльце. Скрип двери? Она тихонько рассмеялась. Вернулся, дурачок! Совсем с ума сошел. Предлагает руку и сердце. А она только смеется в ответ. Сначала бывает все прекрасно, но потом... увы! Всегда одно и то же. Всегда одно и то же... к сожалению. Он – сильный мужик... во всех отношениях. Он волнует ее. Он груб, непредсказуем, иногда так сверкнет глазами, что мороз по коже. А любовник какой!

Нужно было поехать с ним, подумала она, и черт со сплетнями. Заночевали бы в гостинице. А жена у него дура. У всех у них жены дуры. Разжав кулак, она взглянула на драгоценность и небрежно бросила ее на тумбочку. Перевернулась на живот, зарылась лицом в подушку и, замерев, ждала его прикосновения. Холодок предчувствия пробежал по спине. Шаги замерли у двери спальни, и дальше ничего не последовало. Ни звука знакомого голоса, ни ожидаемого шлепка. Вдруг почувствовав неладное, женщина резко села в постели, прикрываясь простыней и всматриваясь в темную фигуру, стоявшую у порога.

– Кто вы? – вырвалось у нее. – Что вам нужно?

Он назвал ее по имени, и тогда она, узнав его, закричала в бешенстве:

– Ты?! Как ты смеешь? Ты шпионишь за мной! Ничтожество! Вон!

Она кричала что-то еще, бросая ему в лицо грубые и гадкие слова...

Не помня себя, мужчина метнулся к ней, полный злобы и ненависти. Она была смелым человеком, но сейчас почувствовала, как липкие холодные пальцы страха пробежали по плечам. Она вскочила с кровати и, путаясь в простыне, бросилась к окну. Невнятная мысль, что там люди и если закричать или выбить стекло, то они услышат, билась в голове. Мужчина схватил ее за волосы, дернул к себе. Она закричала, и тогда он зажал ей рот. Она попыталась повернуться к нему лицом, но сильные пальцы сдавили ей шею. Она впиалась ногтями в руки убийцы, срывая их с горла. Ей удалось прохрипеть: «Нет! Нет, нет...»

Он давил все сильнее и сильнее, чувствуя, как она слабеет. Разжав пальцы, он подхватил падающее тело и перенес на кровать. Вспомнил, как она лежала лицом вниз, как красиво рассыпались по подушке вьющиеся пряди. Протянул руку и ласкающим движением потрогал ее волосы. Помедлил, не в силах оторвать взгляда, и прикрыл ее простыней. Щелкнул выключателем ночника.

У порога оглянулся, еще раз окинул взглядом комнату, словно проверял, все ли там в порядке. Увидел светлое пятно разметавшихся по подушке волос и едва угадываемое в темноте хрупкое тело женщины, странно вытянутое и неподвижное – ее разбросанные руки с нежными тонкими пальцами, которые он так любил целовать, глубокую бороздку вдоль спины, длинные ноги, – и серый прямоугольник окна. Постоял, словно запоминая картину, даже пробормотал что-то вроде «прости»... Потом повернулся и вышел из спальни. С тумбочки в прихожей взял ключ от входной двери.

Выйдя на крыльцо, убийца бесшумно притворил за собой дверь. Замер, прислушиваясь. Не услышав ничего подозрительного, он запер замок на два поворота ключа, неторопливо спустился по ступенькам и пошел по дорожке к калитке.

Снаружи было светло от желтых листьев, усыпавших двор. Высокие стебли поздних георгинов с темно-красными, почти черными остроконечными цветками, стояли вдоль дорожки. Тишина и тоска! Пахло мокрой землей и влажными листьями, в которых негромко шуршал нерешительный мелкий дождь. Неподвижные деревья, полумертвые цветы и кусты словно затаились, выжидая. Он поднес к глазам руки, несколько раз с силой сжал и разжал пальцы...

Все.

Глава 2

НОЧНЫЕ КОШМАРЫ. РЕМИНЕСЦЕНЦИИ

...Он бежал, спотыкаясь о корни деревьев, перебросив через плечо и придерживая одной рукой завернутое в одеяло тело, другой – отводя от лица ветки и паутину. Он тяжело дышал, его хрипкое прерывистое дыхание заполняло собой весь лес. Ему казалось, что его преследуют. Сухие листья оглушительно взрывались под ногами, острые шипы кустов впивались в лицо, глаза залепляла клейкая паутина, натянутая силками пауков поперек тропы. Впрочем, какая тропа? Он давно потерял ее и бежал напрямик. Иногда он оглядывался – ему чудились шаги сзади. Но что можно увидеть в темноте?

Видимо, светила луна, прячась где-то там, в глубине белесых размытых небес, и ночь была пепельно-серой, тусклой и безнадежной, как и мертвый лес, по которому он бежал, спотыкаясь о гнилые стволы и пни, попадая ногами в бочажки с ледяной водой и муравейники, проваливаясь в глубокий, чмокающий влажно мох.

«Скорее, скорее!» – повторял он, как в горячечном бреду, дирижируя этим словом, с трудом выпутываясь из травы и стремясь упрямо вперед. Дыхание его с болью вырывалось из груди, колени подгибались. Еще немного, казалось ему, и он уронит свою страшную ношу, которая делалась все тяжелей...

«Наконец-то!» – прошептал он, увидев знакомое место, которое сейчас, ночью, выглядело еще более неприветливым и проклятым. Он опустил женщину в одеяле на слабо светящиеся листья у края бездонной ямы, рядом с грудой черной, остро пахнущей земли, и присел на склон, пережидая приступ тошноты. Вдруг, к своему ужасу, он почувствовал, что скользит вниз, прямо в разверстую пасть ямы. Он скользил все быстрее и быстрее, шаря руками в напрасной надежде зацепиться за корни деревьев и замедлить падение. Он ударился спиной о землю, на миг выхватив из окружающего мира черные стены, круто уходящие вверх – туда, где висела грязновато-серая небесная пелена. И в тот же миг тяжелое негибкое тело обрушилось на него сверху, вдавливая его в грунт. Холодные пальцы с длинными ногтями вонзились в его плоть. Он закричал, вкладывая в отчаянный свой крик всю тоску, ужас и безнадежность. Струйки земли, убыстряя движение, посыпались сверху, забивая глаза, нос, рот... Он попытался сбросить с себя мертвое тело... Одеяло слетело, и взгляд полузакрытых тусклых глаз впился в его глаза. Длинные пряди светлых живых волос змейками обвилились вокруг его шеи... они стягивают все туже... туже... душат...

Он рывком сел в кровати, вырванный из ночного или, вернее, уже утреннего кошмара. Оглянувшись, не сразу узнав свою спальню. С силой провел ладонями по лицу, ощутив его влажность, глубоко вдохнул, почти захлебнувшись, холодный воздух, льющийся в открытое окно, и окончательно пришел в себя. Где-то далеко выла собака, тоскливо и безнадежно. Он, пошатываясь, побрел на кухню, достал из холодильника початую бутылку водки, налил в чашку и залпом выпил...

* * *

Машина пришла ровно в восемь утра. Шофер Михась, улыбчивый мужик лет тридцати, уже ждал его, подставляя лицо скупым лучам осеннего солнца.

– Доброе утро, Андрей Николаевич, – сказал он, завидев хозяина и умело дозируя почтительные и дружеские интонации в голосе. – День-то какой, а?

– День прекрасный, – отвечал Андрей, неторопливо усаживаясь на заднее сиденье автомобиля. – В лес бы сейчас... или на дачу, – добавил он и содрогнулся.

Больше он не скажет ни слова. Таково неписаное правило, установленное между ними раз и навсегда. Было время, когда по молодости и неопытности он садился рядом с шофером, с удовольствием болтал с ним, вернее, натужно пытался, втайне гордясь своей демократичностью и умением держаться, как свой, с обслугой. Посмотрев изрядное количество фильмов, в том числе «Крестного отца», он понял, что место хозяина сзади, а не рядом с шофером.

Сколько Андрей себя помнил, он все делал, как надо. Постоянно наблюдал себя со стороны и вел внутренний диалог с неким двойником, взявшим на себя роль наставника или режиссера во время репетиции жизненных перипетий, одобряя его или одергивая. «Так, хорошо, молчи со значением, теперь прищурься, улыбнись уголком рта, – диктовал двойник-наставник. – Не спеши. Блефуй, блефуй, черт тебя подери, пусть все думают, что ты на коне». Именно благодаря этому недреманному оку внутри себя он производил впечатление человека сдержанного, бесстрастного и сильного. Молчание и сдержанность часто служат признаком силы. Но это впечатление было обманчивым. Он играл. Лицедействовал, повинуюсь приказу, и не позволял проявиться своей подлинной натуре. Настоящий, он был совсем другим человеком. Слабым, неуверенным в себе. Ему часто не хватало мужества. Но у него имелась голова на плечах. И она прекрасно ему служила.

Глубоко внутри он по-прежнему оставался маленьким, неуверенным в себе мальчиком, втягивающим голову в плечи при раскатах отцовского баса. Отец хотел воспитать в нем настоящего мужчину, драчуна и хулигана. Боже мой, как же далек он был от этого образа! Спасибо судьбе. Где они, эти мальчишки, драчуны и хулиганы, которыми он втайне восхищался, кому так мучительно завидовал? Кто в тюрьме, кто спился, кто исчез, затерялся на жизненных дорогах, не оставив о себе памяти. Витьку Тюленя, дворового хулигана, его детский кошмар – убили в драке.

Андрея преследовали постоянная боязнь разочаровать отца, страстное желание заслужить его одобрение и ревность к соседским мальчишкам, которые висли на отце, называя его дядей Колей, прося то починить велосипед, то показать приемы вольной борьбы, то покатать на машине. Отец сажал ребятню в служебную «Волгу», и они мчались на Донку купаться. До сих пор Андрей слышит радостный визг и хохот мальчишек и рокочущий веселый бас отца. Тот шутил, насмехался над ними, показывал приемы вольной борьбы, затаскивал на глубокое место. Андрей помнит себя отдельно от всех. Не умеющего быть с мальчишками на равных, не знающего, что сказать, где и как. Не всем дана легкость в общении.

– Хватит сидеть в лопухах! – гремел отец. – Ты мужик или старая ворона?

И обидный смех мальчишек вслед. С тех пор ненавистно ему любое панибратство, скороспелое «ты», жеребячий мужской треп в подпитой компании...

Он помнит свой ужас, когда речная вода сомкнулась над головой. Помнит, как отчаянно работал руками и ногами, сопротивляясь вязкой темной глубине. Как сидел потом в зарослях ивняка, плотно сжав посиневшие губы, дрожа от пережитого ужаса, даже как будто поскуливая. Отцовское «Слабак!» оставило его безучастным. Еще долго ему снилось, что он тонет, медленно и неотвратно опускаясь на дно лесного озера с черной страшной водой.

Так и катилась жизнь маленького мальчика под темной звездой непонимания и неприятия самым любимым человеком на свете – родным отцом. И неизвестно, куда бы докатилась, если бы не вмешался непредвиденный случай.

Четвертое сентября... Он помнит тот день во всех деталях. Начало учебного года. Холодные ночи, утренники, оседающие инеем на зеленой еще траве, и жаркое, почти июльское солнце в полдень. Учебники, уроки, сковывающая движения школьная форма – и все это, когда живы еще воспоминания о летних забавах и свободе! Временное расписание: что-то там утрясается и бесконечно переписывается. Учителя еще не собраны и не строги. А один из них – физик Владимир Степанович – вообще в тот день отсутствовал. Заменить его было некем – поздно спохватились, и урок отменили.

Что может сравниться с радостью учеников, у которых заболел учитель? Ничто! Он летел домой, представляя себе, как много сделает, виделась ему толстая потрепанная книга, прерванная вчера на самом интересном месте, альбом с марками, которые давно пора пересмотреть и отложить двойники для обмена. Да мало ли найдется всяких неотложных дел? И родители еще на работе.

Он расстегнул рубашку, достал ключ на веревочке по моде того времени, открыл дверь и вошел в сумрачную прихожую. Бросил на пол портфель, начал расстегивать куртку и вдруг понял, что в квартире кто-то есть. Трудно сразу сказать, какой звук он услышал – шорох, вздох, сдавленный стон. . . Мгновенно покрывшись от страха противным липким потом, он осторожно двинулся в гостиную, потом в спальню, откуда долетал звук. В полуоткрытую дверь Андрей увидел сцену, которая поразила его, озадачила и навсегда врезалась в память. Он увидел в постели отца и Стаса, по прозвищу Лимонадный Джо, подростка из соседнего двора. Андрей не понял, что это значит, но детским разумом осознал, что это плохо и неправильно. А еще он испытал острое чувство ревности к этому мерзкому парню, гибкому, с развинченной походкой и вечной кривоватой ухмылкой.

Много позже, вспоминая свою ревность, Андрей никогда не мог сдерживать улыбки, удивляясь своей детской наивности и неискренности. . .

Пятясь бесшумно, он подобрал в прихожей портфель и на цыпочках вышел из квартиры. Сел на скамейку у подъезда. Застыл с раскрытым от напряжения ртом и пустыми глазами. Там его заметила тетя Нюся, мать Женьки из пятой квартиры.

– Ты чего тут расселся? – заверещала она. – С урока выгнали? Или пару схватил? Может, заболел?

Не отвечая, он встал и побрел прочь. Не из-за крикливой тети Нюси, а потому что увидел отцову «Волгу» и подумал, что тому нужно возвращаться на работу и он скоро выйдет. В голове было пусто, в желудке образовался неприятный тошнотворный холодок. Он улегся на влажную траву под яблоней-старожилом и вяло подумал, что простудится и, возможно, умрет. Ну и пусть. . . Теперь все равно.

Андрей уснул и очнулся уже в сумерках. Болели голова, живот, ныли все мускулы. Андрей испугался – ему показалось, что он умирает. Умирать не хотелось, хотелось жить. Он вспомнил маму, представил, как она возится на кухне и в доме пахнет чем-то вкусным.

Он встал и пошел домой – в тепло, к маме. Об отце и не вспомнил. Конечно, через какое-то время Андрей понял, что происходило в спальне и как это называется – о, великое уличное воспитание! Сейчас об этом знают все. . .

Отец ушел от них через полгода. Все это время они почти не общались. Андрей ни разу не обратился к отцу, ни разу не посмотрел ему в глаза. Тот, в свою очередь, перестал замечать сына. Наталья Петровна сначала нарадоваться не могла на мир и покой в семье, а потом почувствовала неладное. Она не пыталась выяснить, что произошло, но безоговорочно, не колеблясь, приняла сторону сына. Раньше она боялась мужа, боялась его грубости, резких, несправедливых, незаслуженных слов и хамства, но, твердо усвоив несложную истину – мальчику нужен отец, – была готова терпеть, смягчать и обуздывать мужнин буйный нрав, сколько возможно. А тут вдруг, как будто тронулось что-то в семейных отношениях. Сын стал другим – спокойнее и увереннее, не суетится, не плачет, не заглядывает отцу в рот. А тот не обижает сына больше. Ей показалось, он не смеет и. . . робеет? Не может быть, ерунда какая! Но все-таки что-то изменилось.

Их стало двое, и это была сила. Ненасильственное сопротивление режиму. И режим дрогнул. Отец ушел из дома, когда Андрей находился в школе. Ушел, не попрощавшись. Вечером мать сказала сыну, что папа теперь не будет с ними жить. И задержала руку на макушке Андрея. А он так и не сумел ответить себе на важный вопрос: видел его отец тогда или нет?

Или догадался потом по каким-то тайным признакам, обладая звериным чутьем, что тайна его раскрыта? Неизвестно. И никто никогда не узнает истины. Да и неважно это теперь.

Андрей испытал тогда удивительное чувство освобождения. Дамоклов меч разоблачения и позора, висевший над ним целых полгода, исчез. Никто не будет показывать на него пальцем и, блудливо усмехаясь, объяснять, что он, Андрей, сын... этого... ну который... это самое... Но сны остались. Сны, в которых часто повторялся один и тот же сюжет. Андрей, голый, стоит за какой-то дверью и знает, что ему нужно оставить укрытие и выйти на улицу. Он умирает от ужаса, оттягивая момент появления на людях, предугадывая их дурное и жестокое любопытство, распяленные в хамской ухмылке рты, свист и улюлюканье. Страх быть обвиненным по ошибке, огульно, за неизвестно какие грехи, страх расплаты, покорная готовность, свесив голову, ответить, не протестуя, казалось, вошли в его кровь. Днем он подавлял страх, забывал о нем. Он забыл и об отце. Не хотел думать о нем и забыл. Но страх возвращался в снах. Не часто, правда, и впоследствии все реже...

Мама умерла три года назад от рака мочевого пузыря. До самого конца она держалась стойким оловянным солдатиком – ни жалоб, ни просьб, ни слез. Она лежала с белыми от боли глазами, прижав ладони к животу. А Андрей сходил с ума от бессилия и горя.

Был ли жив отец, следил ли за ними издалека – кто знает? Андрей с тех пор никогда его больше не видел. И на похоронах матери он не появился. Может, его и в живых уже нет...

Андрей, возвращаясь к «судьбоносной» сцене снова и снова, пришел к выводу, что тут не обошлось без его ангела-хранителя, который вызвал цепь событий, замкнувшуюся в спальне его родителей в четыре часа пополудни четвертого сентября. Ни раньше, ни позже. Сначала заболел учитель, потом отменили урок, так как не нашлось замены. Андрей отправился домой, а не в десяток других мест, что вполне могло случиться. А что бы с ним было, если бы не тот случай? Робкий, неуверенный в себе, закомплексованный подросток, безответно любящий отца... Кем бы он вырос?

«Все, что ни случается – к лучшему». К этому выводу он приходил всякий раз, рассматривая свое прошлое со всех сторон. И казалось ему, что есть некая рука, ведущая и подталкивающая его углый плот в бурном житейском море. Охраняющая и спасающая...

– Как там Валерия Павловна? Как ей отдыхается?

Он вздрогнул от бодрого голоса шофера. Рука защитным движением непроизвольно дернулась к лицу.

– Отдыхает, – ответил он, и словно колючка впиалась в сердце от двусмысленности ответа. – Отдыхает...

– Погода просто класс, – продолжал Михась. – Повезло ей, можно сказать.

– Да, хорошая погода, – согласился Андрей. Слова падали тяжелые, как камни.

– Море еще теплое, наверное, – приставал шофер.

«Да отвяжись ты от меня!» – хотелось крикнуть ему.

Андрей испытывал боль, почти физическую от необходимости поддерживать пустопорожний разговор. Ему казалось, что дурацкие вопросы отвлекают его от каких-то важных мыслей, что ему крайне необходимо додумать до конца и понять нечто необходимое именно сейчас, чем раньше, тем лучше...

Во взгляде шофера, который он поймал в зеркале, мелькнула настороженность, удивление, как будто...

«Прекрати истерику! – приказал он себе. – Не думай об этом сейчас. Вечером...»

– Теплое... наверное, – выдавил он из себя. Мертворожденные слова повисли в воздухе.

Михась когда-то работал в полиции, потом ушел на вольные хлеба. Но милицейская выучка осталась. Он на всех так смотрит. Как мент. Себе на уме. Не лезет, не мельтешит перед хозяином, не холуйствует, за что и ценим. А ему, Андрею, нужно быть предельно осторожным, чтобы не выдать себя ни словом, ни взглядом. До возвращения... Лерки еще три недели. Три

недели отводятся ему на поиски выхода, обдумывание ситуации, принятие решения. Главное – не выдать себя ничем. Чтобы потом, когда...*начнется*, никто не мог припомнить ничего странного и двусмысленного ни в его поведении, ни в словах...

День был, как день – напряженный и интересный. Он забылся в суете и работал, как всегда, с удовольствием.

Глава 3

ДЕЛО

У них было свое дело – издательский дом «Арт нуво». Полиграфическая продукция широкого профиля вмещала в себя все: от справочников и словарей до рождественских почтовых открыток и плакатов. Андрей генерировал идеи, отвечал за техническую базу и финансы. Валерия – Лерка – занималась художественным воплощением его идей, а также пиаром. Она принадлежала к породе никогда не взрослеющих женщин, любопытных, смеющихся, полных светлой радости жизни и передающих свою солнечную энергию окружающим. Если она ставила себе целью выбить деньги на очередную мужнину идею, остановить ее было невозможно. Очередной инвестор (или жертва) безропотно доставал кошелек и был не против отдать и жизнь в придачу. Противостоять ее напору, куражу, нахальству – пустой номер! Она напоминала Андрею быстрый неглубокий ручей, бегущий над разноцветными камешками. Свет, тень, свет, тень, быстрая игра, неверная и изменчивая. И тонкая, как спица, синяя стремительная стрекоза в воздухе.

Когда Валерия хватала собеседника за рукав, сияла на него радостными ореховыми глазами, улыбаясь своей особой улыбкой, приглашающей в сообщники, корчила милые гримасы ребенка, пойманного с полечным у вазы с шоколадными конфетами – кто мог устоять? Она растормошила бы и мертвого.

– Лерка, смотри, побьют тебя когда-нибудь мужики, – говорил он жене, понаблюдав за ее «охмурежем» на очередном приеме.

– А я ничего и не обещала! – смеялась Лерка, встряхивая своими чудесными волосами цвета светлого меда.

Они с ней были не просто разные, они были полярные. Полюс северный и полюс южный. Андрей – осторожный, внимательный к мелочам, не принимающий ни одного решения без обсуждения со своим адвокатом. Валерия – авантюрная и быстрая, «шельмочка», как он называл ее. «Хочу все, и немедленно» было Леркиным девизом, с которым она вприпрыжку бежала по жизни.

Иногда Андрей спрашивал себя, что привлекло ее в таком сухаре, как он? Иногда ему приходило в голову, что при ее живом изменчивом характере у нее должны быть другие мужчины... Но он гнал от себя эти мысли. Он был ей верен, и ему не приходило в голову, что она может относиться к проблеме верности иначе, чем он. Андрей часто уезжал, особенно вначале. Он звонил ей, возвращаясь в гостиницу, довольно поздно – ее часто не бывало дома. «Не помню, – отмахивалась она потом от его вопросов, – в театре или ресторане, мало ли где. Какая разница? Ты что, не веришь мне? Я тебя люблю!» Она надувала губы, как капризный ребенок, и он таял. На том дело и кончалось.

Валерия была его второй женой. Первый брак, молодой и глупый, распался через полтора года. Обжегшись, он долго оставался холостяком. И женился вторично в тридцать шесть – «взрослым», говорила мама. Лерке было тогда двадцать четыре. Двенадцать лет разницы... Она работала, вернее, числилась, инженером в управлении одного из крупных городских комбинатов. На самом же деле была «великим профсоюзным боссом», отвечая за организацию мероприятий к праздникам: демонстрации, пикники, дни рождения и смерти, выбивала финансовую помощь нуждающимся, занималась воспитанием детей работников коллектива, выясняла отношения с учителями подведомственной школы и детской комнатой полиции. А еще стояла у истоков «челночной» экономики, устраивая рейсы за товарами в близкое и дальнее зарубежье. Здесь размах, коммуникабельность и связи Валерии расцвели махровым цве-

том. Она моталась в Польшу, Чехию, Венгрию по несколько раз в месяц, сколачивая «комбинатские» туристические группы, включая в них и «чужих».

Однажды по просьбе подружки из торговой сети она провезла через границу какого-то типа под чужим паспортом, одолженным у бывшего одноклассника. Не безвозмездно, разумеется. В умении ловить рыбу в мутной воде первых бестолковых перестроечных лет ей не было равных. Она словно не понимала, чем это могло закончиться. Андрей пришел в ужас, услышав некоторые из ее историй. Где-то глубоко в подсознании звякнул колокольчик, предупреждающий об опасности. Воспринимай он Лерку, как взрослую женщину, он бы задумался. Но в его видении она была скорее незрелым подростком, не ведающим, что творит, и не понимающим, к чему может привести мошенничество и шутки с чужими паспортами.

Их познакомили на каком-то летнем празднике в парке, куда он попал совершенно случайно. Он помнит теплую Леркину руку, ласковые ее глаза удивительного светло-карего оттенка – как у скорлупы молодого грецкого ореха, и смутное предчувствие скорых перемен, охватившее его в тот миг. Они встретились еще раз, и еще, и на третий раз, как в сказке, он попросил ее руки. Не узнав толком своей невесты, не колеблясь, не раздумывая. Даже не переспав с ней, что окончательно определило его, как человека с устаревшими жизненными понятиями. Он был готов сделать ей предложение в первый же день, но побоялся ее испугать.

– Искра проскочила, – сказала Наталья Петровна, выслушав сбивчивый рассказ сына о встрече с замечательной девушкой и его намерении жениться. И попросила привести Лерку на смотрины.

– Шустра больно, – сделала она вывод. – Но я тебя понимаю.

Андрей видел, что девушка ей скорее понравилась, чем не понравилась. Лерка сразу с ней подружилась. Помогла накрыть на стол, рассмешила рассказами о торгующих туристах и покорила окончательно, сделав массаж шиацу затылка и шеи. Чувствовала себя, как дома. Она везде была, как у себя дома.

Он считался завидным женихом. Работал заместителем директора полиграфического комбината, неплохо зарабатывал. Жена такого человека не должна заниматься сомнительными делами. О чем он ей и сказал. Она скорчила глупую гримасу, нисколько не задетая. Как он понял потом, сворачивать свой бизнес Лерка не собиралась. Совершенно случайно Андрей узнал, сколько она «заколачивает», и был поражен – ее «навар» раз в пять превышал его зарплату.

Неизвестно, чем кончилось бы дело, но тут, к счастью, подруга Леры, Рамона Сподиевич, тоже из профсоюзных деятелей, попала в поле зрения полиции. Завели уголовное дело. Рамоне грозило до пяти лет тюрьмы за какие-то там махинации, подлог, присвоение общественных денег. Валерия испугалась. Андрей помнит ее притихшей, неохотно выходящей из дома. Она даже перестала снимать телефонную трубку, в чем ему тоже чудилось ребячество. Тогда же безропотно согласилась уволиться с работы, разумно рассчитав, что свобода дороже любых денег.

Зиму они провели вдвоем, почти ни с кем не встречаясь. Лерка стала покорная, ласковая, виноватая. Они много говорили, только сейчас узнавая друг друга: о детстве, о школе, о вкусах и пристрастиях, книгах, музыке и, конечно, политике. Его забавляла Леркина удивительная переимчивость и... нахальство, пожалуй. Услышав впервые от него о Маркесе или Маргарет Этвуд, которую он почитал выше других современных авторов, Лерка бросалась рассуждать о них с первым же встречным так, словно имена эти известны ей чуть ли не с колыбели, а не услышаны накануне.

– «Шельмочка», – думал он, любясь женой. Чаще всего они говорили о том, как приспособиться к текущему моменту и...

– Выжить! – говорил он.

– Заработать! – возражала Лерка. – Теперь все можно, запреты сняты, законы перестали работать окончательно, и свой бизнес не открывает только дурак или ленивый.

– Законный бизнес, – говорил Андрей.

– О чем ты? – отмахивалась она. – Не бывает законного бизнеса, если нет законов! Бизнес – это деньги, деньги – это свобода, свобода – это... – Она зажмуривалась, раскидывала руки, как крылья. – Это путешествия на белом пароходе, свой дом, машина, шикарные шмотки, гости каждый день. И вообще все, все, все!

– Это уже не свобода, а анархия, – бурчал Андрей, тем не менее проникаясь ее настроением.

– Сможешь купить свои ножики сколько влезет. Представляешь, можно махнуть в Лондон, на осенний «Сотбис». Денег полно, гребешь все, не торгуясь. А через годик-другой ты у нас уже обладатель самой богатой коллекции холодного оружия в мире.

Его сместила ее манера называть клинки «ножиками».

– В итоге наш город переименовывают в Нью-Москву, – подхватывал Андрей, обнимая Лерку и опрокидывая ее на диванные подушки, – и мы покупаем тебе шиншилловую шубу и бриллиантовую корону какого-нибудь разорившегося монарха, а также строим киностудию твоего имени и назначаем главной и единственной звездой. Хочешь?

– Хочу! – кричала Лерка, вырываясь из его рук. – Конечно, хочу! Все хочу, кроме шубы! Я не люблю шиншиллу.

Идея о собственном деле крепла и становилась на мускулистые ножи.

– Да сможем мы! – убеждала его Лерка. – С твоей головой и занудством, с моими связями...

– О связях забудь!

– Так это старые, а у нас будут новые... Спонсоры, инвесторы! – Новые слова отскакивали от Леркиных зубов, как горошины. – Заказы, клиенты...

– Я бы занялся издательским делом, – говорил Андрей, поддавшись ее настроению.

– Можно и издательским, – соглашалась она, подумав. – Все равно. Я бы скорее поставила на туризм... Ладно, ладно, молчу! – кричала она, поймав его взгляд. – Можно и издательство. Деньги я достану.

– Подожди о деньгах. Главное – решить в принципе, что мы будем делать...

– Как что? Издавать детективы. Мы по-прежнему самая читающая страна в мире, как ни странно. Ума не приложу почему.

Умерла мама... Она как-то сказала ему незадолго до смерти:

– Ты, сынок, делаешь ошибку, принимая Валерию за ребенка. Она взрослая и сильная женщина... Она всегда сделает то, что хочет, и пойдет до конца...

– Ты ее не знаешь, – пробормотал он, но слова матери запомнил.

Дело сначала шло через пень-колоду. Не хватало умения принимать решения, рассчитывать, находить верных людей и отличать их от воров и жуликов. Было страшно потерять деньги, вырученные за родительскую квартиру и машину, и чужие, взятые под проценты. Время стояло страшное – за невозврат долга убивали запросто. В счастливую минуту его осенила мысль позвать бывшего главбуха родного предприятия Ивана Михайловича Ярему, финансового гения, который на пенсии крутил бизнес, что-то вроде доставки товаров на дом или мелкого ремонта.

– Все капиталы ухнули, – пожаловался старик, «кинутый» государством. – Знал бы, купил золота да держал бы дома под половицей.

Андрей столкнулся с ним на улице, позвал перекусить в кафе. Бывший бухгалтер рассказал о семейном деле, которое приносило неплохой доход. Он сам, его сын и племянник сколотили бригаду «пыльщиков», как они называли себя, и занялись напылением дверных стекол

и стаканов. Стоит копейки, а красиво – не передать. Обыкновенное оконное стекло сразу приобретает солидный дизайнерский вид.

– Но размах не тот, мелочовка, – вздохнул Ярема. – Товар для бедных. Идеи есть, деньги прямо под ногами валяются, а капитала нет. Да и свеженького хочется, надоело опьялять стаканы.

Не задумываясь, он пошел за Андреем, бросив бизнес на молодежь.

– У него повадки разорителя могил, – жаловалась Лерка, невзлюбившая Ярему с первого взгляда. – Как посмотрит, аж мороз по коже!

Интеллектуальной жемчужиной издательского дома «Арт нуво» был, несомненно, Савелий Зотов – «креативный редактор», как называл его Андрей, мастер на дурацкие идеи, в которых тем не менее «что-то было».

– Где ты берешь этих уродов? – хихикала Лерка. – Твоему Савелию только в цирке выступать... вместо лошади, – намекала она на длинную унылую физиономию Савелия, действительно смахивающую на лошадиную морду.

– Молодая еще, – сурово отвечал жене Андрей, – жизни не знаешь. Другого такого, как Савелий, днем с огнем не сыскать!

Как-то раз, спустя года два, когда Андрей стал верить, что они встают на ноги, ему вдруг позвонил одноклассник Леня Резник. Прозвище у него было Тепа – из-за удивительной способности вляпываться в патовые ситуации. Однажды в Швейцарии, катаясь на лыжах, Леня сбил дорожное распятие. Начиналась метель, стекла очков залепило снегом, он почти ничего не видел, ну и налетел. Будучи уверен при этом, что сбил дорожный указатель. Был свидетель – соотечественник. С легкой руки этого человека или, вернее, из-за ядовитого его языка, до конца пребывания на лыжном курорте Леню называли «Атеистом». Тоже слава. И так всю жизнь.

Тепа пришел с шампанским и цветами, был оживлен, жизнерадостен, сыпал анекдотами и копировал по старой памяти соучеников и школьных учителей.

– А помнишь, – кричал он, – Семена Аркадьевича? Как он снимал стружку с Дяди Бена? «Подстриглись под быдло, – сипел он прокуренным басом старого учителя истории, – ничего не знаете, где ваш учебник?»

Они хохотали, вспоминая школу. Под «быдлом» имелись в виду знаменитые «Биттлз». Сейчас на голове у Лени, прямо на макушке, изрядно плешивой, разливался крупный лиловый синяк.

– Это кто ж тебя так приложил? – спросил Андрей.

– А! – махнул рукой Леня. – В крышке багажника пружина ослабла, не держится ни черта, а я все время забываю. Суну голову и отпускаю... Она, сволочь, и тюкает...

А потом Тепа напился, заплакал и рассказал Андрею, что три года назад он, бросив теплое место юриста, приватизировал небольшое фармацевтическое предприятие, не без помощи двоюродного или троюродного дядюшки из Америки. Были прекрасные идеи расширить производство за счет входивших в моду диетических добавок, одноразовых шприцев, натуральной косметики. Но развернуться Лене не дали. Бизнес его привлек внимание авторитета по кличке Мамай. После двух пожаров на фабрике Леня понял, что ему кранты. За фабрику, кстати, она называется «Гиппократ», ему предлагают смехотворную сумму, которой даже на похороны не хватит... Тепа сморкался и с надеждой смотрел на бывшего одноклассника.

Бухгалтер Ярема был откомандирован на фабрику проверить счета «Гиппократа». С Мамаем договорились через старого поклонника Лерки, полковника полиции, того еще типа. Андрей старался не думать о том, что она пообещала полковнику и когда тот напомнит об этом. Он было спросил, но Лерка возмутилась:

– Как тебе не стыдно! Полкаш классный мужик. Нельзя же во всех видеть жуликов!

Возмутилась, правда, не очень, а в глазах прыгали черти. Через неделю у фабрики появился новый владелец. Тепа стал генеральным директором фармацевтической фабрики «Авиценна», а Андрею пришлось срочно осваивать курс фармацевтики. Лерку раздувало от гордости. Она подсчитывала доходы и мечтала о запуске косметического цеха и новой линии товаров для женщин под названием «Валерия». Тепа влюбился в Лерку и посвятил ей стихи. Плохие, правда.

А потом пришел кот... или как там говорится в детской книжке.

Потом пришел Дядя Бен, то самое «быдло» в прошлом, потерявшее учебник истории, ныне удачливый юрист – Андрею удалось переманить его у коллеги-предпринимателя. Звали его Вениамин Сырников.

Их было трое, не считая Савелия – один за всех, все за одного. Триумвират одноклассников плюс Савелий. Союзники. Такие разные. Спина к спине у мачты против тысячи... таких-сяких! Эх, давай, налетай!

Глава 4

РАЗДУМЬЯ

Андрей захлопнул за собой дверь квартиры, уронил на пол портфель, ослабил узел галстука. Упал на диван в гостиной, бессмысленно уставился в пространство. Даже не стал зажигать свет. Теперь, когда не нужно следить за лицом, делать над собой усилие и улыбаться, разговаривать и слушать, он почувствовал, как отяжелели и ноют мышцы лица. Бесконечный день закончился, и он остался один на один со своими мыслями. Ему никто не мешал, и он мог спокойно обдумать то, что произошло. И ответить себе на вопрос, почему он поступил так, а не иначе, и что теперь делать? Хотя, какая разница...

Андрей сидел в темной квартире так же, как сидел вчера в спальне на даче. С той разницей, что сейчас он был один, а вчера с Леркой...

...Он заскочил на дачу за бумагами, оставленными там неделю назад, когда приехал сюда, надеясь поработать в тишине и покое. С работой не получилось. Была прекрасная погода, он отправился в лес и пробродил почти до вечера.

Он отпер дверь, вошел. Внутри дома оказалось темнее, чем снаружи. Он включил свет в прихожей и на кухне. Бумаги лежали на тумбочке в прихожей – там, где он их оставил. На секунду, как короткий укол, возникло неясное и неосознанное чувство... чувство узнавания, то самое «дежавю»... папки на тумбочке... полусвет-полутень... полуоткрытая дверь в спальню... Мелькнула мысль о чем-то важном... И ускользнула. Придется посидеть ночью, подумал он, отгоняя наваждение, и сгреб папки.

И тут его словно толкнуло что-то. Торкнуло. Потом Андрей пытался вспомнить, что это было – и не смог. Шестое или седьмое чувство, внезапный страх, наитие. Нет названия. Ощувив внезапную сухость во рту, он подошел к двери спальни, толкнул ее и оторопело застыл на пороге. В неярком свете, падающем из прихожей, он увидел жену. Она лежала на широкой деревянной кровати, странно неподвижная, едва прикрытая простыней, уткнувшись лицом в подушку. Рассыпались светлые волосы, тонкая рука свесилась до пола. Ошеломленный, он смотрел и не верил своим глазам. Лерка вчера уехала в Севастополь. Михась отвез ее на вокзал, потом доложил ему, что все о'кей.

Андрей стоял в оцепенении, прислонясь к косяку, чувствуя подступающую дурноту. Закрыв глаза, помотал головой. Снова открыл. Ничего не изменилось. Лерка по-прежнему лежала т а м... слегка прикрытая простыней. Он видел глубокую нежную ложбинку позвоночника...

Он не помнил, как долго там стоял. Время остановилось. Потом подошел на негнущихся ногах, потрогал плечо. Потряс ее, удивляясь внезапной тяжести легкого Леркиного тела. Отвел вьющиеся волосы, увидел багровые пятна на шее...

Ноги не держали его, и он опустился в кресло рядом с кроватью. Первым побуждением было немедленно куда-то звонить, бежать, звать на помощь... Позвонить Михасю, спросить... О чем? О чем можно спросить водителя, ничего ему не объясняя? Андрею стало страшно при мысли, что он может сказать Михасю или кому-нибудь еще, о мертвой жене на даче. Убитой... Порыв прошел, и он остался сидеть в кресле, бессмысленно уставясь на неподвижное тело... Неподвижное тело? Труп? Лерка мертва? Абсурд! Полная жизни, неугомонная, жадная Лерка... мертвая? Неподвижная? Нет! Сейчас она вскочит, закричит: «Ага, испугался!» Бросит в него подушкой, радостно завизжит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.